

Он из старых...

Из древнего народа он, лицо его...

Его рост, его стан...

Что забыл он здесь, в лесах?

Как очутился в наших владениях?

МЕЖДУМИРЬЕ

Неподвластное пространству и времени место, не отмеченное ни на одной карте ни одного из миров. Ни на старинных, ни на современных. Ни один самый опытный проводник не сможет указать путь в высокую светлую избу.

Хозяйка избы, Великая Пряжа, в длинном одеянии, строгая и прекрасная лицом, бесконечно прядет воздушные нити, верша, соединяя, меняя судьбы. За линиями жизни немигающим взглядом наблюдает белая кошка, неподвижной статуей замерев у ног хозяйки и обернув хвост вокруг лап.

В хоромах тех стены мерцают небесной лазурью, изящные арки невесомо парят в высоте. Среди золотистых облаков сидят две сестрицы, две девицы с распущенными волосами. Одна юная и веселая, нарядная как солнце, вторая — худая и болезная, в сером изношенном платье. Ловко подхватывают они тонкие нити, чтобы смотать в клубок. И к какой из сестриц попадает нить, такая судьба и пишется человеку. Доля берет его нить — удача и счастье ожидают смертного. Недоля подхватывает — не миновать трудностей и печалей на жизненном пути.

Обе девицы протянули руки за очередной судьбой, шелковой паутинкой повисшей на пальцах Великой Пряхи.

— Любопытная нить у этого человека, — молвила Великая Пряха, с загадочной улыбкой передавая судьбу Доле. — Благие дела ему предначертаны, всякая болезнь будет его слушаться. Да и времени у него будет предостаточно... Но никак не могу увидеть окончание...

Действительно, нить все тянулась и тянулась с веретена, петлями складываясь у ног пряхи.

Пока ее не оборвали острые когти кошки. Хозяйка сдвинула брови.

Недоля ахнула, подхватила концы нити и завязала тугим узелком.

И замерло на миг само время, когда пальцы сестер встретились.

— Что же ты натворила? — воскликнула Доля, не успев выпустить из рук судьбу. Белая кошка зашипела и вновь замерла.

ЯВЬ

По покрытым лесом склонам медленно ползли лучи заходящего солнца. Удушающая жара понемногу уступала место вечерней прохладе, тени высоких сосен и пихт удлиннились, становясь все гуще и плотнее. Небольшая группа молодых и рослых мужчин показалась на тропке, которой не было видно в дневном свете. Их сопровождал старший, выглядевший несколько иначе. Молодые одеты были в простые рубахи и подпоясанные штаны, старший же имел тунику, полы которой стелились по траве, и узкие ноговицы. И, в отличие от спутников, носил бороду и усы, черные как смоль. Его длинные волосы, заплетенные в косу, спускались ниже пояса. На суровом обветренном лице сверкали темные глаза, и выглядел он словно потомок божества, случайно заблудившийся в мире людей. Впрочем, как и пятеро юношей, один из которых был его точной копией, только моложе. И все были обуты в добротные кожаные сапоги, без которых на курумах¹ можно было остаться без ног.

¹ Курумы — скопления глыб, возникающие обычно в горах в результате интенсивного физического выветривания.

По тропинке они проходили, не задевая клонившихся вниз ветвей деревьев, не потревожив ни единой птицы. Бесшумными тенями скользили, пока старший не остановился, подняв руку. Группа замерла, прислушиваясь.

— Карин, Данко, вы идете дальше на гребень, — прозвучал тихий голос, заглушаемый звуками леса. — Избор, Милен, воротитесь вниз, больно шумно там. Если заплутал кто — проводите к тропе, нечего ночью зверей пугать да кости ломать. Переяр, ты со мной, спустимся к Каменке, старик из местных все дочь свою ищет. — Старший прищурился на багровый закат. — Тянет его со страшною силой на гиблое место, где утонула она.

По двое разошлись сторожа горного массива. Карин и Данко зашагали вверх, к каменному морю, к курумникам, окружающим скальный гребень вершины. Сначала шли молча, слушая лес и ветер, чуждые звуки, не принадлежащие их дому, но вскоре молодой задор взял верх, Данко забежал вперед.

— Каждый день одно и то же. — Подпрыгнул вверх, чтобы достать с ветки молодую шишку, которой тут же запустил в Карина. Тот уклонился, тайком ища на земле, чем бы ответить.

— Знаешь же, что всегда стерегли наш дом. С тех пор, как ушли в нижние города, так и охраняем входы и выходы. — У толстого ствола валялась сухая шишка побольше. Как только Данко отвернулся, она оказалась в руке Карина. — Прекращай подвывать как волк, отбившийся от стаи...

Точный бросок — и друг схватился за затылок. Карин перепрыгнул острый валун и, смеясь, помчался по тропинке вверх. Данко бросился за ним, уже не таясь.

Вдвоем они вылетели на крутой выступ, откуда с трудом различались деревеньки, разбросанные у подножия Северных гор; темнело, в избах уже зажигали лучины. Где-то внизу отец с Переяром уводили от речки несчастного старика, который завтра опять пойдет туда же. И послезавтра, и через год. Так и будет ходить, пока его все же не утянут на дно или не зачахнет сам от тоски.

Карин замер у самого обрыва, вглядываясь вдаль. Веселье утихло само собой, сменившись привычным трепетом перед величием и красотой гор.

— Как думаешь, что там? — Обвел рукой вокруг. — Везде ли мы можем жить? Или лишь здесь, прячась под землей как кроты, чтобы выбираться наверх только по ночам?

Данко задумался. Не волновали его раньше такие думы, жили они тихо и спокойно. Пока Карин не начал все чаще спрашивать стариков, есть ли что иное за скальными стенами, за долинами, что простирались у их подножия. Почему их народ не живет в избах, а прячется под землей, в бесконечных тоннелях и глубоких пещерах? И сам бы не смог ответить, когда, в какой момент стал мыслить о том же.

Но ответить не успел. Только собрался, как Карин обернулся к нему. И споткнулся. Одной ногой зацепился за торчащий камень, от неожиданности поте-

рял равновесие, широко взмахнул руками, будто собрался взлететь. И через миг сорвался с обрыва, не издав ни звука.

Данко словно остолбенел, смотрел в пустоту, туда, где еще секунду назад Карин рассуждал о границах мира.

— Эй, это же твоя очередная шутка, да? — тихо позвал он, почему-то боясь кричать. — Карин? Перестань сей же час, это не смешно!

Тишина была ему ответом. Далекий глухой стук заставил его вздрогнуть. Только тогда Данко рванулся к краю серой плиты, чтобы ничего не увидеть, кроме обломанных веток кустарника, чудом пробившегося меж камней. Хилое растение не смогло удерживать взрослого человека.

«О Боги!»

Данко в панике попытался разглядеть хоть что-то внизу.

— Карин! Слышишь? Карин! Ка-а-а-р-и-и-ин!

Отчаянный крик эхом отразился от скал, пролетел над поселениями, где потом еще долго вспоминали ночной плач невероятной красоты и скорби. Достиг ушей остальных. Избор и Милен молча переглянулись и, не сговариваясь, бросились вверх по тропе.

Старший замер, вслушиваясь в эхо. Что-то кольнуло внутри, нехорошее, отчего затряслась каждая поджилка. Он задрал голову к небу, где смутной уже тенью чернела горная вершина.

— Дядька Сивер, — проговорил Переяр. — Поглядели бы вы, проверили. Дурачатся снова, небось.

Карина с Данко нельзя оставлять вдвоем. А я дедушку от речки отведу и домой провожу.

Имя сына вновь разнеслось далеко по окрестностям, пробирая до дрожи, и старший словно очнулся от чар. С пугающей скоростью он скрылся из вида, за доли секунды мелькнув у валунов склона, а в следующий миг полы его туники уже развевались ветром на обрыве, где, свесившись вниз, кричал Данко. Избор и Милен пытались оттащить его от края выступа.

— Карин? — Дядька Сивер упал на колени рядом с Данко, схватил его за плечи, вынудив смотреть в глаза. — Где он?

— Откуда... он взялся? — осипший голос сорвался, юноша вырвался и снова бросился к обрыву. — Карин!

Избор перехватил его и сжал в тисках так, что ребра затрещали. Милен присел, ковырнул торчащий камень, поднял пустые глаза на старшего.

— Вот это, — глухо пояснил дядьке Сиверу, который все больше темнел лицом. — Данко сказал, что Карин зацепился за камешек. И упал. Вниз. Дядька...

Еще мгновение Сивер смотрел на острый осколок, неведомо откуда выросший на отполированном ветрами камне, в следующий миг его размытый силуэт слился с темнотой. Родные горы послушно открыли ему потайные пути сквозь скальную толщу, вниз, к подножию. Куда скатилось его дитя, споткнувшись о наспех завязанный узелок.